

**РУССКАЯ КРИТИКА О ФОЛЬКЛОРИЗМЕ ТУМАНЯНА
(60-е гг. XX в.)**

М. Г. ДЖАНПОЛАДЯН

Творчество Ованеса Туманяна переведено на 37 языков мира. Естествен и закономерен вопрос: как воспринято оно другими народами? Что ценного и близкого себе нашли в творчестве великого армянского поэта люди иных национальностей? Разумеется, иноязычный читатель не может чувствовать и любить Туманяна так же, как мы, армяне, уже хотя бы потому, что «между миром Туманяна и иноязычным читателем высится языковой барьер, утаивающий от стороннего глаза такие нюансы чувства и мысли, без которых нет уверенности, что правильно понимаешь поэта, что слышишь именно его голос...»¹. Эту мысль осетинского поэта Нафи Джусойты, конечно же, трудно оспорить. Тем не менее, взгляд из других культур на наши национальные литературные ценности всегда интересен: он не только зачастую открывает нам самим нечто новое в уже, казалось бы, хорошо знакомом, но и утверждает общечеловеческое значение этих ценностей. И в этом плане большой интерес представляет вопрос о том, как воспринимал творчество Ованеса Туманяна русский читатель, как характеризовалось и оценивалось оно русской критикой. Сама эта проблема очень обширна и многогранна как во временном аспекте, так и в тематическом: ведь первые отклики на поэзию Туманяна стали появляться в русской действительности уже в 90-е годы XIX века, и с той поры самые разные проблемы туманяновского творчества становились предметом обсуждения и оценок русского читателя. Поэтому мы выделяем в данной статье всего лишь один вопрос, локализуя его и в хронологическом плане. Мы рассмотрим взгляды русской критики на фольклоризм Туманяна в период столетнего юбилея поэта, т.е. в конце 60-х годов прошлого века. Почему выбрана данная тема и данный отрезок времени? Потому что фольклоризм Туманяна — это **одна из самых главных, сущностных сторон его творчества**, а конец 60-х гг. XX века — это, можно сказать, **пик развития русской критической мысли о Туманяне**, когда появилось множество различных публикаций — статей, докладов, выступлений,

¹ **Н. Джусойты.** Он смотрел на мир, как солнце. В сб.: «Туманян -100. Юбилейная летопись». Составители А. Хачикян, Л. Ахвердян. Ер., 1974, с. 345. В дальнейшем цитаты из данного сборника приводятся с указанием страниц в самом тексте.

приуроченных к его столетнему юбилею (1969). Изучение этих материалов помогает представить наиболее завершенную и обобщенную картину восприятия и оценок туманяновского фольклоризма в русской критике второй половины XX столетия, - оценок, сложившихся на основе имеющихся к тому времени русских изданий Туманяна (в том числе и юбилейных), а также статей и монографий армянских литературоведов на русском языке.

Почти во всех русских критических публикациях о Туманяне красной нитью проходит мысль о его народности, причем этой чертой своего творчества Туманян, по мнению авторов, не имеет себе параллелей среди армянских поэтов-современников. Примечательны в этом смысле слова Самуила Маршака, сказанные им в еще 1962 году (до 100-летия Туманяна он не дожил): «Армения, — писал он, - страна прекрасной поэзии и замечательных поэтов. Но, пожалуй, **ни одному из певцов конца XIX и первых десятилетий XX века так не подходит звание народного поэта, как Ованесу Туманяну** (выделено мной — М. Д.). У него есть все, чем богат народ: тонкое чувство природы, глубокая мудрость, а главное — великая любовь к жизни и к человеку. И народ платит Туманяну искренней, не ослабевающей с годами любовью»². Фольклор же был одним из главных, могучих истоков, питающих живительные силы туманяновской народности. Вот почему, говоря о народности поэта, авторы русских критических отзывов о Туманяне почти неизбежно затрагивали вопросы его фольклоризма, и в отношении поэта к фольклору видели одно из основных слагаемых его народности. Характерны в этом смысле следующие слова Максима Танка: «Поэт придавал большое значение фольклору, считая его основой литературы. Творчество Туманяна живыми корнями связано с этой «кровной основой», и потому оно само стало народным в самом широком значении этого слова» (с. 114). А Николай Тихонов, назвавший Ованеса Туманяна «голосом, совестью, духовной силой своего народа», отмечал: «Опорой многообразного таланта Ованеса Туманяна было все богатейшее наследие армянского народа — его предания, сказки, песни, пословицы, поговорки» (с. 171).

Обстоятельно рассматривает данную проблему Сергей Наровчатов в своем докладе, прочитанном в Ереване на объединенном Юбилейном пленуме Союза писателей СССР и Союза писателей Армении: Он также связывает воедино вопросы народности творчества Туманяна и его фольклоризма. «И в большом и в малом, - отмечает Наровчатов, - народ был постоянным учителем Туманяна. И великий ученик с лихвой вернул народу полученные от него дары. Сказки, легенды, предания, услышанные Туманяном в детские годы, возвратились в народ, волшебным образом преображенные под его пером, являя все черты художественного совершенства. Произведения, созданные Туманяном на фольклорном материале, - это даже не ветвь от дерева, а другой ствол от одного

² С. Маршак. Собр. соч. в 8 томах, т. VIII, М., 1972, с. 430.

корня. И ствол высокий, ветвистый, зеленеющий шумной и сочной листвой. Вспомним хотя бы блистательную сказку «Пес и кот». ...Бездна обаяния, юмора, ума в этой чудесной сказке, и столько же она является туманяновской, сколько народной. Как и во многих других произведениях поэта, эти понятия здесь совпадают» (с. 41).

Из этой цитаты явствует, что Наровчатов проник в самую суть туманяновского фольклоризма и выделил его главные особенности. Во-первых, он подчеркнул, что любовь Туманяна к фольклору была не умозрительной, не обретенной в зрелые годы, а исконной, изначальной, вошедшей в него еще с самого детства; во-вторых, он отметил художественное совершенство туманяновских обработок; в-третьих, сказал о такой отличительной их черте, как неразрывное, органическое слияние индивидуального начала с народным. А своим образным сравнением туманяновских фольклорных обработок с другим стволом дерева из одного и того же корня автор показал их прочную связь с народной основой и их вечную жизненную силу. Эта мысль Наровчатова невольно заставляет вспомнить слова самого Туманяна о том, что фольклор — это «родная почва и фундамент литературы»³. Заметим, что Наровчатов цитирует в своем докладе другое известное высказывание поэта на эту тему (см. с. 46), т.е. он в своих заключениях исходил не только из художественных текстов, но и из взглядов армянского поэта на связь литературы и фольклора.

Не ограничиваясь общими наблюдениями о туманяновских фольклорных обработках, С. Наровчатов характеризует и отдельные произведения — «Взятие крепости Тмук», «Парвана», «Давид Сасунский» и др. Наиболее подробно останавливается он на поэме «Давид Сасунский». Примечательна и глубоко верна мысль автора о том, что Туманян неминуемо должен был обратиться к образу главного героя армянского эпоса. «Мы говорим неминуемо, — разъясняет он, — так как **самоосознание народа, происходившее в творчестве Туманяна, неотвратимо включало в себя образ Давида Сасунского** (выделено мной — М. Д.). В герое древнего эпоса, — отмечает Наровчатов, — армянский народ персонифицировал свою вековую борьбу с природой, упрочение нравственных устоев жизни, возникновение и защиту независимого государства от иноземных завоевателей. Простодушный и мудрый, веселый и грозный юноша Давид, с его необыкновенной силой и непомерными подвигами — это прямое олицетворение самого армянского народа...» (с. 47). Эти слова свидетельствуют о глубоком проникновении автора в армянский героический эпос, в характер его главного героя. При этом Наровчатов сумел разглядеть в туманяновской поэме и личность самого поэта, который естественно и органично, не вторгаясь грубо в народную ткань повествования и не нарушая художественной

³ **Ов. Туманян.** Полное собр. соч. в 10 томах, т. VI, Ер., 1994, с. 43 (на арм. яз.). Цитаты из статей Ов. Туманяна приводятся по данному академическому изданию с указанием тома и страницы.

меры, выразил в тексте себя, свои чувства и мысли, свои идеалы. Автор пишет: «Туманян сконцентрировал в своей поэме всю суть древнего эпоса, акцентировал его заключительную часть». Мысль об акцентировании Туманяном основных идей эпоса в речи Давида, обращенной к арабскому войску уже после его победы над Мсрамеликом, также очень важна. Дело в том, что в народных вариантах, которыми пользовался Туманян, нет такого эпизода. Этот отрывок написан самим поэтом, но в абсолютном, органическом слиянии с духом эпоса⁴. Протицировав в переводе С. Шервинского слова Давида, Наровчатов отмечает: «Полна народного великодушия речь Давида, полна народной мудрости мысль Туманяна», т. е. вновь подчеркивает синтез народного и индивидуального в поэме. «Сила великих произведений искусства в том, — заключает Наровчатов свой анализ «Давида Сасунского», — что в каждую новую эпоху они начинают звучать по-новому» (с. 48), и говорит о современном звучании этих строк. Прекрасно написал он и о балладе «Парвана», охарактеризовав ее как «одно из самых тонких по рисунку созданий туманяновского гения» (с. 50).

Таким образом, суждения Сергея Наровчатова о туманяновском фольклоризме отличает глубина проникновения в его суть, верность и тонкость наблюдений. Отметим, что уже после юбилея доклад Наровчатова был издан в Ереване отдельной брошюрой под названием «Великий поэт и гражданин», а в 1972 году в Москве, в издательстве «Правда» вышла его книжка «Три слова», включающая статьи о трех поэтах — Некрасове, Блоке и Туманяне. Так что слово Наровчатова о Туманяне стало достоянием широкого русского читателя.

Свой взгляд на проблему фольклоризма Туманяна развивает и Сергей Шервинский в статье «За пределами национального». Поставив вопрос, «многим ли обязан этот национальнейший поэт общению с иными литературами», автор конкретизируется на русской литературе. В статье Шервинского есть достаточно спорные мысли и суждения, однако некоторые из них выходят за рамки рассматриваемой нами проблемы. Поэтому остановимся только на тех тезисах его статьи, которые имеют определенную связь с фольклоризмом Туманяна. Так, автор пишет: «**Говорить о влиянии на него (Туманяна — М. Д.) народной поэзии было бы методологически неправильным:** (выделено мной — М. Д.) мы не можем сказать, что корни влияют на плоды, приносимые деревом; корни питают их, — так и народное творчество питало своими животворными соками творчество Туманяна» (с. 179). Здесь, нам кажется, Шервинский несколько односторонне подходит к вопросу: конечно, народное творчество подсказывало Туманяну различные сюжеты, через которые он выражал самые сокровенные свои мысли и идеалы, и в этом плане, быть может, неправомерно говорить о

⁴ Подробнее об этом см.: **Эд. Джрбашян.** Поэзия Туманяна. М., 1969, с. 180-181; **М. Джанполадян.** Туманян и народный эпос. Ер., 1969, с. 33-35 (на арм. яз.).

влиянии фольклора на поэта. Но нельзя забывать и упускать из виду, что помимо сюжетов, помимо содержания, Туманяна привлекала в образцах народного творчества и сама **форма** — глубокая и ясная простота, умение сказать обо всем емко и лаконично. «Есть слова и выражения, — писал поэт, — которые заключают в себе целую историю. Такие слова могут находить только гении, и еще народы, которые тысячами ушей, тысячами глаз, тысячами умов в течение многих лет слушают, наблюдают и изучают жизнь, и в конце выводят свое заключение, выносят свой краткий приговор жизни — одним словом, одним оборотом, одной фразой» (VI, 208). Примечательна и следующая мысль Туманяна в его статье 1916 года: «В вопросе экономии энергии, — пишет он, — народный язык доходит до крайней скупости: с течением времени он отполировывает, стирает, удаляет, отбрасывает все то, что может стать для него лишней обузой, и он совершенно не любит хранить в себе слабые, ненужные слова и выражения, да еще веками» (VII, 228). Туманяну была органически близка эта особенность народного слова. Именно **народный язык учил его бережному, экономному отношению к слову**. И в этом смысле фольклор не только питал его творчество, как корни питают плоды, но и **влият на формирование самого стиля поэта**, который как-то заметил, что «каждый звук, каждое слово, каждая форма — ...это целое произведение и целый мир» (VII, 289). Фольклор влиял на поэта в том смысле, в каком можно говорить о влиянии учителя. И поэтому более убедительной нам представляется вышеприведенная мысль Наровчатова о том, что «и в большом и в малом народ был постоянным учителем Туманяна».

И еще одно суждение Шервинского побуждает, правда, опосредованно, коснуться вопросов туманяновского фольклоризма. Говоря о переводах Туманяна из Пушкина и отмечая, что жемчужиной этих переводов считается «Зимний вечер», он пишет: «То, что Туманян особенно любил это стихотворение, засвидетельствовано исторически. Однажды в беседе с В. Г. Короленко Туманян сказал, что, по его мнению, «Зимний вечер» — лучшее произведение Пушкина, причем указал на простоту стиля и драгоценность каждого слова в этом стихотворении. Мы все с детства любим «Зимний вечер», — продолжает Шервинский, — однако такое выделение именно этого стихотворения из лирики нашего национального гения удивляет нас теперь так же, как когда-то удивило Короленко. Вероятно, в данном случае сыграли роль два обстоятельства: тема Пушкина-изгнанника, находившая опять-таки отклик в свобододлюбивой душе переводчика, и доступность стихотворения, с которого начинается знакомство с Пушкиным» (с. 179).

Нам же представляется, что совершенно иное обстоятельство, а вовсе не те, что называет С. Шервинский, сыграло роль в особом отношении Туманяна к «Зимнему вечеру»: это, может быть, не сразу заметный, но тем не менее наличествующий в стихотворении и пронизывающий его народный, фольклорный дух. Вспомним начальные строфы стиха:

**Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит;
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.**

В этих строках, как нам кажется, самый пейзаж несет в себе что-то сказочное, и пушкинские сравнения – «То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя» - своей ясностью и лаконизмом восходят к народным, традиционным, а образ «путника запоздалого», стучащего в окошко, - разве он не вызывает в памяти множество сказок, построенных на подобном сюжете?. Народны в «Зимнем вечере» и детали быта («ветхая лачужка», «по кровле обветшалай», «соломой зашумит», «дремлешь под жужжаньем своего веретена»), и выражения («выпьем с горя», «добрая подружка», «сердцу будет веселей»). А строки:

**Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла... -**

уже непосредственно уводят читателя в мир народных песен... Так что «Зимний вечер» окутан фольклорностью, народностью, а это ведь была стихия самого Туманяна, и потому он так тонко прочувствовал эти пушкинские строки и так их полюбил...

Вопросы туманяновского фольклоризма рассматривает и Александр Дымшиц в своей вступительной статье ко второму тому изданного в Ереване юбилейного русского трехтомника поэта. «Фольклоризм Туманяна, - пишет критик, - упорная, многолетняя работа писателя над произведениями устного народного поэтического творчества, над их изучением и обработкой, - дал прекрасные результаты. Читатели всех возрастов самых разных национальностей уже много десятилетий восторгаются сказками, легендами, притчами, рассказанными О.Туманяном по мотивам фольклора»⁵. Дав общую высокую оценку туманяновским фольклорным обработкам, Ал.Дымшиц, как видим, подчеркнул их общечеловеческое значение. Он обратил внимание и на то, что Туманян всегда пропускал фольклорный материал сквозь призму своего творческого видения, своего таланта, литературного вкуса. «Даже тогда, - замечает критик, - когда великий писатель занимался обработкой так называемых бродячих сюжетов и мотивов фольклора, он не переставал

⁵ **А. Дымшиц.** Проза поэта. См.: **Ов. Туманян.** Избранные произведения в трех томах. Составители Л. Ахвердян, Л. Мкртчян. т. 2, Ер., 1969, с.11. В дальнейшем цитаты из статьи А. Дымшица даются с указанием страниц в тексте.

творить самостоятельно, художественно обогащая фабульное содержание, композицию, образы, диалоги произведений народной словесности» (с. 9).

В отличие от других авторов, высказывавшихся о фольклоризме Туманяна, Ал. Дымшиц пишет и о самом подходе поэта к обработке фольклорного материала, о том, что многие его произведения написаны на основе не одного, а нескольких, а порой и многочисленных вариантов одного и того же сюжета. Критик отмечает: «В своих обработках произведений фольклора Ованес Туманян выступал во всеоружии знания самых разных их национальных вариантов (здесь заметим, что Туманян использовал отнюдь не только армянские варианты — М. Д.). ...Туманян сводил воедино все лучшее, что находил он в разных вариантах сказок и преданий, особо всматриваясь и вдумываясь в своеобразие родного армянского устно-поэтического творчества народа» (с.12). И поскольку сама статья Ал. Дымшица посвящена туманяновской прозе, он подробнее характеризует именно сказки поэта. Он пишет: «В сказках Ованеса Туманяна живет и действует родственный по духу Уленшпигелю или Молле Насреддину веселый, смекалистый, всепобеждающий народный герой, живое воплощение оптимистического мироотношения трудящихся, носитель их лучших надежд и чаяний» (с.12). Отмечая, что мораль сказок Туманяна — «веселая и ненавязчивая, лишенная какого бы то ни было дидактизма», Дымшиц подчеркивает еще одну важную особенность, присущую туманяновским сказкам: «И все они, — пишет критик, — созданы Ованесом Туманяном **без малейшей тенденции к стилизаторству, к искусственности, к подчеркнутой литературности** (выделено мной — М. Д.). Все они — в духе самого фольклора, естественно растут из него, находятся в органическом соответствии ...с народным поэтическим воображением» (с. 12). Дымшиц говорит здесь о сказках Туманяна, т. к. именно сказки — предмет его анализа. Но это — общая черта всех фольклорных обработок Туманяна, к какому бы жанру его творчества они ни относились.

А. Дымшиц оказался единственным из русских критиков, кто, раскрывая особенности фольклоризма Туманяна и принципы его подхода к народным образцам, обратился и к полемическим статьям поэта, направленным против тех его армянских «критиков», которые считали туманяновские фольклорные обработки не чем иным, как плагиатом, обыкновенным переводом с народных диалектов на литературный язык. «Полемические статьи Туманяна, — отмечает Ал. Дымшиц, — ...остаются блестящими свидетельствами той глубоко принципиальной борьбы, которую писатель вел за право на творческий подход к народной устной поэзии. Восставая против «драмбязизма», возражавшего против права писателя на обработки фольклора, Туманян боролся одновременно и за литературу, и за самый фольклор. Он понимал, в отличие от своих тупых и злобных критиков, что, обрабатывая народные поэтические произведения с полным сохранением их творческой силы, на-

родный писатель продлевает жизнь и усиливает воздействие ряда шедевров, созданных поэтическим гением народных сказителей. Он вел свою полемику страстно, резко, беспощадно. Но им руководили при этом отнюдь не мелкие и личностные интересы: он выступал во имя принципов, сражался за интересы искусства» (с. 20).

Отметим, что Ал. Дымшиц особенно высоко оценил те суждения Туманяна из его статьи «Армянский драмбязизм и я», где армянский поэт обращается к творческому опыту Пушкина и вспоминает, какой резкой критике подвергся в свое время Пушкин за обработки фольклорных образцов. Туманян раскрывает пушкинские принципы подхода к фольклорному материалу, во многом близкие ему самому. По мнению Ал. Дымшица, «замечания Туманяна о фольклоризме Пушкина принадлежат к его лучшим критическим выступлениям» (с. 19).

Яркую, замечательную статью о фольклорных обработках Ов. Туманяна написал Корней Чуковский. Статья эта — «И первой первая любовь» — была опубликована в газете «Литературная Россия» от 25 апреля 1969 года, а затем и помещена в качестве предисловия в юбилейном детском издании: «Пес и кот. Сказки для детей» (Ер., 1969).

Особенность статьи К. Чуковского в том, что его замечания о фольклоризме Туманяна вытекают из конкретного анализа трех его баллад — «Пес и кот», «Капля меда», «Смерть мышонка», а самый анализ сопровождается оценкой русских переводов названных произведений. Вообще проблема перевода Ов. Туманяна на русский язык выступает в этой статье на первый план, а основная мысль автора — в том, что восприятие иноязычным читателем гения национальной литературы целиком зависит от качества переводов его произведений. По признанию Чуковского, чтение русского сборника Ов. Туманяна, изданного в Москве в 1960 году, привело его к выводу, «что по переводам никак не почувствовать величия Ованеса Туманяна. Но вот, — продолжает Чуковский, — посчастливилось мне прочитать одну из баллад Туманяна в переводе нашего славного мастера — С. Маршака, и мне стало ясно, что я заблуждался, очевидно, по вине переводчиков, искаживших облик армянского гения» (с. 282).

По словам Чуковского, именно благодаря переводу Маршака (его характеристика этого перевода блестяща, но данный вопрос выходит за рамки нашей темы) он ощутил народную основу туманяновской баллады. Чуковский пишет: «Стальной лаконизм стиха, полное отсутствие словесных орнаментов, четкая определенность каждого поступка и каждой реплики обоих героев — все это дает нам почувствовать фольклорную подоплеку поэмы⁶, простонародную основу ее стиля. Позже я

⁶ К. Чуковский, как и другие русские авторы, дает различные жанровые определения рассматриваемым им поэтическим произведениям Туманяна, созданным на фольклорной основе: баллада, легенда, сказка, поэма, эпическое сказание. Цитируя, мы, естественно, сохраняем эти определения авторов, однако сами придерживаемся точки зрения Эд. Джрбашяна о том, что туманя-

узнал,- продолжает он, - что она и в самом деле подсказана Туманяну фольклором. Первый вариант поэт назвал в подзаголовке «Народная легенда» и впоследствии сообщил, что он слышал ее из народных уст у себя на родине в Лори и написал ее на местном диалекте» (с. 283).

Чуковский отметил связанную с балладой «Пес и кот» еще одну важную черту туманяновского творчества: «Легенда «Пес и кот», - пишет он, - была первым опытом Туманяна в области фольклорного стиля. С этой деревенской легендой он **впервые выступил как народный и даже простонародный писатель, порвавший с традициями книжной поэтики**» (выделено мной — М. Д., с. 283). Армянскому читателю хорошо известен тот факт, что редактор журнала «Мурч» Аветик Ара-сханян отказался печатать это произведение, - настолько оно шло вразрез с традициями письменной художественной литературы того времени. Он возвратил рукопись Туманяну со словами: «Скажите, пожалуйста, какая связь между псом, котом и поэзией? Никакой связи! Да и каким диким языком это написано!»⁷. Чуковский же заострил на этой особенности поэзии Туманяна внимание русского читателя, что, безусловно, очень ценно.

Характеризуя «Каплю меда» — художественную обработку одноименной средневековой армянской басни — Чуковский подчеркивает значимость и злободневность ее сюжета, в котором - «уже не смешная грызня двух животных, а позорная распря целых племен и народов, распаленных бессмысленной злобой и начавших кровавую бойню из-за глупого и жалкого вздора». В «Капле меда», по Чуковскому, «речь идет об исторических судьбах всего человечества» (с. 284). Но особенно важно в анализе этой баллады то, что благодаря блестящему переводу С.Маршака Чуковский почувствовал и отметил «могучую энергию подлинника» - характерную черту поэтики Туманяна, его стиля. «Повествование, - пишет он, - мчится вперед с ошеломительной скоростью — от события к событию, и каждое из них изображается минимальным количеством слов. Здесь вся ставка на предельную сжатость стиха... Дух захватывает от безостановочной скачки событий, воспроизведенных с большим эмоциональным накалом» (с. 284), и подкрепляет свою мысль примерами.

Говоря о туманяновской балладе «Смерть мышонка», автор отмечает популярность ее сюжета в мировом фольклоре и приводит знакомые ему сходные образцы из русского фольклора: «Нет, кажется, такого народа, - замечает Чуковский, - в устном творчестве которого не было бы иронических сказаний о ничтожных делах, воспринимаемых глупцами как события колоссальной важности. Вспомним нашу русскую

новские поэтические фольклорные обработки легенд и преданий следует относить к литературному жанру баллады. См.: **Эд. Джрбашян**. Баллады Туманяна. Ер., 1969, с. 21-44 (на арм. яз).

⁷ См. об этом примечания к балладе «Пес и кот» в полном академическом собр. соч. поэта. Т. 2, Ер., 1990, с. 549 (на арм. яз).

«потешку», где злоключения крохотной мухи изображаются как мировая катастрофа:

**Всколебалося море,
Сыра земля застонала:
Стала муха тонуть.**

...В качестве такого же события, потрясающего все мироздание, - шуточная русская фольклорная песня рисует падение комарика на ветви гигантского дуба:

**Свалился комар на дубище,
Дуб под ним зашатался**

и т.д. В армянском фольклоре тот же иронический сюжетный мотив приурочен к гибели Мышонка:

**Наш Мышонок опочил,
Мир печалью омрачил». (с. 285)**

Высоко оценивая перевод Н. Гребнева, бережно воссоздавшего народный дух и все особенности стиля подлинника, К. Чуковский заключает: «Благодаря этим трем переводам эпических сказаний Туманяна я понял, как прав был армянский народ, признав его своим великим поэтом. Того, кто написал «Каплю меда», «Пес и кот», «Смерть мышонка», и в самом деле нельзя не причислить к плеяде первоклассных мастеров мирового искусства» (с. 285).

Вера Звягинцева, верный и преданный друг Армении, десятилетиями переводившая армянскую поэзию, в том числе и Ованеса Туманяна, написала к его 100-летию статью «Поэзия доброго света», опубликованную впервые только в 1998 году по рукописи, хранящейся в архиве Л. Мкртчяна. Статья эта помогает глубже понять, чем было особенно ценно для В. Звягинцевой творчество Туманяна. Сквозной мыслью статьи является мысль о «подлинной народности» поэта⁸. Этот свой тезис поэтесса подтверждает, назвав множество туманяновских произведений, написанных на основе фольклора: это и обработка армянского эпоса, и сказки, и стихи для детей, в которых, как она отмечает, «слышатся дорогие сердцу Туманяна народные интонации». Перечислив ряд детских стихотворений, Звягинцева подчеркивает их народную основу: «Не случайно многие стихотворения этого цикла имеют подзаголовок «народное»⁹. Звягинцева цитирует и строки письма Туманяна своему другу, критику Ф. Вартазаряну: «Великое это дело, когда писатель может путешествовать по стране, изучать народ, его предания,

⁸ Отметим, что среди переводов В. Звягинцевой из Туманяна — немало фольклорных обработок: «Конец зла», «Братец-барашек», «Злосчастные купцы», «Орел и дуб» и др.

⁹ **В. Звягинцева.** Клянюсь Еревану и Арарату. Стихи, статьи, письма. Составление Ю. Ходжоян. Ер., 1998, с. 128). Далее цитаты из этой статьи отмечаются страницами в самом тексте.

язык, обычаи. Чувствую страшную необходимость в этом всякий раз, когда бываю среди народа. Это — море, море...» (с. 129). Вместе с тем она отмечает, что туманяновские обработки народных образцов стали достоянием всех возрастов и вышли за национальные рамки. «А сказки Туманяна, неизменно доставляющие радость и взрослым, стали бесценным вкладом в сокровищницу детской литературы, начиная со сказки «Пес и кот», прекрасно переведенной на русский язык С. Я. Маршак. ...И иронические интонации «Пса и кота», и лирические строки сказки «Братец-барашек», и «Шах и разносчик», и «Конец зла» - все они служат одной цели: обличению зла и несправедливости, утверждению добра и правды» (с. 128). Эти слова В. Звягинцевой показывают, что туманяновские фольклорные обработки привлекали русского читателя и **своим высоким общественно-нравственным пафосом, своим гуманизмом**. Отметим, кстати, что в русских критических публикациях обращено особое внимание и на эту — содержательную, идейно-смысловую наполненность туманяновских творений, созданных на основе фольклора. Так, Н. Джусойты подчеркивает, что через народные сюжеты поэт выразил и свои общественно-политические взгляды, свое мировоззрение: «Дух доброжелательства, уважения ко всем народам был неистребимым в Туманяне. Он четко разграничивал народы и правительства, этим пронизано все его творчество, даже легенды, сказки («Шах и разносчик», «Кувшин с золотом») и эпос (слово старика в «Давиде Сасунском» (с. 350).

Безусловно, не во всех статьях и публикациях русских критиков вопросы туманяновского фольклоризма освещаются разносторонне, или в теоретическом аспекте, как, скажем, у С. Наровчатова, А. Дымшица, С. Шервинского... В целом ряде статей можно найти лишь характеристики и оценки отдельных произведений поэта, созданных на народной основе. Но эти оценки очень интересны и важны для нас, поскольку они являются ярким подтверждением того, что **туманяновские творения зажили своей самостоятельной жизнью на русской почве, они известны русскому читателю и любимы им**. Приведем некоторые из них.

Вот, к примеру, признание Сергея Баруздина: «С детства я и миллионы моих ровесников помнят в русских переводах «Бесхвостую лису» и «Лжеца», «Кувшин с золотом», «Хозяина и работника»¹⁰... Эти ... сказки на всю жизнь остались для нас фактами родной литературы. А кто из нас и по сей день не помнит таких строк:

**Папаху шить —
Не шубу шить.
Для друга
Можно поспешить!**

¹⁰ С. Баруздин называет и другие произведения Туманяна; мы приводим здесь только те из них, которые созданы на основе фольклора.

...Маршак не случайно выбрал для перевода эту сказку Туманяна. «Пес и Кот» - настоящий поэтический шедевр» (с. 34).

В. Звягинцева в другой своей статье о Туманяне - «А без любви нет жизни» - писала: «Какой читатель не знает его замечательного «Пса и кота», блестяще переведенного на русский язык С.Маршаком? Просто физическое наслаждение читать эту вещь» (с. 306).

Юрий Верченко назвал «Каплю меда» «удивительно емкой, афористичной, ироничной и грустной», считая, что она «весомее многих толстых книг» (с. 110)

Прочитывая последнюю строфу:

**Склоняясь у могильных плит,
Живой живому говорит:
«Откуда и за что, сосед,
На нас свалилось столько бед?» -**

Верченко пишет: «Так кончается эта мудрая сказка-предостережение»..

Николай Тихонов отмечает, что русский читатель вступает «с любовью и восхищением» в мир сказок Туманяна, где «все дышит мудростью, неповторимыми красками народной образности», и в его древний эпос — «Давид Сасунский» (с. 170).

Мария Петровых пишет: «К шедеврам Туманяна, возникшим из преданий и легенд, следует отнести и «Проклятую невестку», и трогательный поэтический рассказ «Погос-Петрос», и чарующую изяществом письма «Парвану», и многие другие маленькие поэмы. Нельзя забыть о том, что одна из лучших маленьких поэм - «Капля меда» - была создана Туманяном в тюрьме. Какой нравственной силой надо было обладать, чтобы, находясь в заключении, написать эти веселые, стремительные, жгучие, саркастические стихи!» (с. 310). А говоря о поэме «Взятие крепости Тмук», М. Петровых подчеркивает высокое мастерство Туманяна: «А какое богатство тональностей, разнообразие ритмов, какая насыщенная звуковая инструментовка в поэме «Взятие крепости Тмук!» (с. 311).

* * *

Обобщая сказанное, можно отметить, что русская критика 60х- годов прошлого столетия в целом достаточно глубоко и обстоятельно осветила вопросы туманяновского фольклоризма. В различных публикациях мы находим и верную характеристику взглядов Туманяна на роль фольклора в развитии литературы, и верное понимание самого подхода поэта к обработке образцов народного творчества, и точную оценку художественного результата, достигнутого Туманяном. А яркие характеристики отдельных произведений поэта, созданных на народной основе, показывают, что оказались они близки и дороги русскому читателю не только своим содержанием и заложенными в них идеями, но

и мастерством поэта - самой манерой сказа, яркостью, сочностью, афористичностью языка, безупречным чувством стиля, художественной меры. Эти оценки являются еще одним неоспоримым свидетельством общечеловеческого, мирового значения творчества Ованеса Туманяна и, несомненно, обогащают туманяноведение.

Մ. Գ. ՋԱՆՓՈԼԱԳՅԱՆ – Ռուս քննադատությունը Թումանյանի ֆոլկլորիզմի մասին (XX դ. 60-ական թթ.) – Հոդվածում քննության են առնված Հովհ. Թումանյանի ֆոլկլորիզմի մասին ռուս քննադատության կարծիքները բանաստեղծի 100-ամյակին նվիրված հրապարակումներում: Նյութերի ուսումնասիրությունը վկայում է, որ ռուս քննադատները հիմնականում ճիշտ են ըմբռնել և բացահայտել Թումանյանի հայացքները բանահյուսության և գրականության կապի մասին, ժողովրդական նյութի նրա մշակման սկզբունքները, ինչպես նաև նշել են ժողովրդական հիմքի վրա նրա ստեղծած երկերի իմաստային-բովանդակային հարստությունը և գեղարվեստական կատարելությունը: Հենց դրանով էլ պայմանավորված է այդ երկերի համամարդկային արժեքը: